

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

УДК 39 + 571. 1/5

Л.И. Шерстова

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ АБОРИГЕНАМИ СИБИРИ В XVII в.: ЕВРАЗИЙСКИЙ (ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ) КОНТЕКСТ¹

В статье рассматриваются социально-политические аспекты русско-аборигенных отношений в Сибири в XVII в. Ставится проблема выявления особенностей восприятия аборигенами русской власти. Делается вывод о наличии сходных черт в политической традиции местного и пришлого населения, что объясняется общим евразийским контекстом их исторического развития.

Ключевые слова: Сибирь, аборигены, русские, евразийский контекст.

Постановка проблемы. Присоединение Сибири к России по-прежнему остается актуальной темой, так как на вопрос, поставленный еще Г.В. Вернадским о причинах стремительности завершения этого процесса, нет исчерпывающего ответа. Рассмотрение этой проблемы напрямую связано с определением характера московской государственности конца XVI–XVII в., выяснением ее идеологических, социально-политических и ментальных истоков. Выявление механизмов взаимодействия русской власти и русских пришельцев с аборигенным населением Сибири позволяет определить не только сущностные стороны московской власти, но и особенности политической культуры последних. Однако вопрос об уровне и специфике социально-политических институтов аборигенного общества обычно решают в парадигме эволюционного или формационного методов, заранее помещая аборигенов на стадии догосударственного развития и обрекая их на роль статистов московской политики в Сибири. Между тем в межэтнических коммуникациях передача информации идет не только от донора к реципиенту, но и наоборот, и результативность диалога зависит от того, насколько передаваемая и воспринимаемая информация трактуется одинаково. Важным условием для этого является наличие общих представлений и элементов в социальных, политических, экономических отношениях, присущих каждой из взаимодействующих сторон. Именно общая мировоззренческая основа, определяемая мной как евразийская (центральноазиатская), позволила наладить русским и аборигенам продуктивный диалог, результатом которого и стало быстрое закрепление первых в Сибири. Стремительное продвижение русских по Сибири и их выход уже в 40-е гг. XVII в. к Тихому океану во многом определялись

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

особенностями русско-аборигенных контактов как на низовом, так и на политическом уровне. В обоих случаях их результативность зависела от особенностей восприятия контактирующими сторонами друг друга, от наличия или отсутствия устойчивых стереотипов и понимания обоюдных действий и устремлений.

Изученность темы. Вопрос о наличии общих элементов в административно-фискальной организации и в социально-политических отношениях социумов Сибири и Московского царства в отечественной историографии не ставился. Даже относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н.М. Карамзин, евразийцы) до отрицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С.М. Соловьев, Б.Д. Греков). Можно согласиться с Г.В. Вернадским в том, что проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна, а также с тем, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия» [1. С. 340–342]. Признание развитости политических структур у тюрко-монгольских народов Центральной Азии (Д.Г. Савинов, Е.И. Кычанов, Н.Н. Крадин, С.Г. Кляшторный) сделало возможной и корректировку определения уровня социально-политического развития сибирских народов накануне русской колонизации. Учитывая, что миграционные потоки шли с юга на север, т.е. из Центральной Азии в Сибирь, и что тюрко- и монголоязычное население «кочевых империй» рубежа эр не только втягивало в свои социально-политические и экономические отношения сибирскую периферию, но и частично в качестве субстратов приняло участие в формировании многих народов Сибири, принеся сюда элементы государственности, следует еще раз остановиться на социально-политических характеристиках сибирских этносов конца XVI–XVII в., что и предпринято в данной статье.

Источники и методы. Источниковая база представлена традиционным набором документов конца XVI–XVII в. из собрания Г.Ф. Миллера, а также отдельными документами, приведенными в работах С.В. Бахрушина, З.Я. Бояршиновой. В статье предпринята попытка трактовки их вне рамок формационного подхода. При характеристике мировоззрения сибирских народов важное значение имели фольклорные записи Г.Н. Потанина и Н. Дыренковой, позволившие посмотреть на проблему «господства-подчинения» изнутри аборигенных социумов. В качестве основного методологического принципа использовался цивилизационный подход, давший возможность исследовать сибирские социумы как носителей определенного набора социально-политических и ментальных характеристик, наследников центрально-азиатской (и шире – восточноазиатской) политической традиции. В связи с этим актуализирован феномен евразийства, который понимается не как идеологический конструкт, а используется в его первоначальном значении – как общее этнокультурное наследие народов Евразии (П. Савицкий, Н. Трубецкой, Л.Н. Гумилев). Такой подход дал возможность не только глубже понять исторический контекст русско-аборигенных отношений, но и выявить их ми-

ровоззренческую основу, а также представить русских и аборигенов в конце XVI–XVII в. как равнозначных партнеров политического диалога, использовавших понятный друг другу «политический язык».

Результаты исследования. Реальная власть русских в Сибири определялась не столько территориями, каковыми она «владела», сколько количеством подданных и способностью их защитить. Именно численность тяглых подданных укрепляла позиции русских в Сибири. В наказах Бориса Годунова (1604) и Василия Шуйского (1608) сибирским воеводам дословно повторяется: «И они б сибирские земли всякие люди, и братью и дядью и племя и племянников и друзей отовсюду призывали и *волости полнили...* и про далние и про *новые земли и про волости* потому же *проведывати...* *кто ясаки с них е-лет* или живут особе и *много ли в них ясачных людей* (курсив везде мой. – Л.Ш.), да те волости описати...» (цит. по: [2. С. 140; 3. С. 63]).

В условиях подвижного, сохранявшего черты присваивающего хозяйства общества гораздо проще было установить контроль над населением, чем над территорией. Русские документы свидетельствуют, что, приходя за ясаком, сборщики ограничивались учетом числа ясачных, но не занимались «организацией» податных единиц, т. е. «ясачных волостей» единого типа и численности. Так, в Наказе Бориса Годунова говорится о восьми волостях «на томской вершине» (т. е. в верховьях Томи), которые следует «объясачить». При этом число ясачных могло существенно колебаться. Например, в Томь-Енисейском междуречье в 1623 г. Байгульская волость насчитывала 5 человек, а Мелеская – 50 [3. С. 82–83]. Однако стоило исчезнуть ясачному населению (вымереть от эпидемии, удачно скрыться и переселиться на новые места) – автоматически исчезала податная волость, как в документах, так и в реальности.

Таким образом, русские ясачные волости XVII в. по своей сути являлись объединениями людей, находившихся в политической зависимости от какого-либо русского города, но тесно не связанных с какой-то территорией. Русские документы XVII в. фиксируют: «Ачинской волости ясачные люди неведомо куда побежали»; «А та Мелецкая земля пришла к киргизам» и т. д. (цит. по: [4. С. 264]). Ясачная волость, в сущности являясь осколком социально-экономической и политической структуры центральноазиатской государственности, *естественно влилась* в формирующуюся политическую систему Московского царства, что оказывалось возможным при условии *понимания* сущности административно-фискального устройства аборигенного социума русскими людьми [5. С. 93–98].

Последнее не вызывает сомнений, поскольку сама московская государственность многое восприняла от Золотой Орды. Монгольская административная система, как считал Г.В. Вернадский, была тесно связана с военным делом. Ее распространение на Русь привело к некоторому ее обновлению. Каждый район (или поселение), способный выставить десять воинов, в сочетании с другими такими же составлял сотню (отсюда русское название сельского должностного лица «сотский»), десять сотен – тысячу, десять тысяч образовывали «тьму» (от монгольского «тумен»). Соответственно, допетровская Русь подразделялась на множество десятков, сотен, тысяч и «тем», т. е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого ле-

жали не размеры территории, а численность подданных – прежде всего, трудоспособных (и боеспособных) мужчин – «ревизских душ» в Российской империи [1. С. 74].

Оказавшись в Сибири, русские обнаружили здесь функционирующую административную систему, базирующуюся на тех же принципах, что и в московских землях. В обоих случаях она была создана под воздействием политических традиций кочевых империй Центральной Азии, но так как она уже закрепилась и на Руси, ее можно назвать *евразийской*.

Представление о том, что не только величина территории или богатства, но и как можно большая численность зависимого населения составляет силу правителя, имеет глубокие корни в евразийской истории. Сила кочевых империй Центральной Азии напрямую зависела от величины улуса, под которым понимается не столько территория как таковая, сколько «владение», народ, данный в феодальное держание [6. С. 118]. В героическом эпосе и бытовых сказках, например, тюркоязычных народов Сибири при характеристике богатства и силы правителя используется выражение «скота было столько же, сколько кустов акации, народу у него столько же, сколько деревьев в лесу» [7. С. 83]. В рамках улуса существовал своеобразный институт «унаган-богол». Б.Я. Владимирцов отмечал, что в результате завоевательных походов монголов в зависимость от них попадали целые роды и группы родов. Роды, зависимые от правящего рода, и составляли унаган-богол. Они сосредоточивались во владении некоторого числа удачливых родов (семей), увеличивая, таким образом, их собственные улусы и, соответственно, их силу и значимость. В монгольское время «унаган-богол», будучи несвободным даже в выборе кочевков, внутренне оставался неоднородным, так как сюзерен практически не вмешивался в его жизнь. Поэтому сохранялись привычные социальные отношения и своя «аристократия», не говоря уже о собственной социально-имущественной дифференциации [8. С. 81].

Существовавшие кочевые империи Центральной Азии от гуннов до монголов выработали своеобразный тип административного устройства, в основе которого лежал принцип *самого наличия* зависимого населения, которое стремились постоянно увеличивать, подчеркивая, таким образом, значимость и силу правителя.

Именно сходством административного устройства и одинаковым пониманием функций волостей-улусов диктовались и социокультурные формы взаимодействия русских и коренных народов Сибири. Русские, оказавшись в Сибири, встретили здесь знакомые им административно-податные образования, появившиеся в этих местах задолго до того, как территории за Уралом попали в сферу влияния Москвы. Сибирские власти не изменили характера и порядка взаимоотношений со своими новыми подданными, они не требовали от них того, чего последние понять не могли. Поэтому аборигенному населению были абсолютно понятны экономические и политические устремления, тот «поиск», который чинили русские власти, стремясь объяснить как можно большее их число. Дорусская административно-фискальная система, существовавшая в Сибири, не только не была уничтожена, она жестко насаждалась у тех народов, где отсутствовала [5. С. 96–98], что привело к серии русско-корякских и русско-чукотских войн [9. С. 349].

Другим важным моментом русско-аборигенных отношений явилась политика невмешательства или минимального влияния на внутренние процессы в зависимых общностях. Это также элемент, характеризующий принципы политической евразийской традиции. В результате лояльная по отношению к русским властям аборигенная элита, во-первых, достаточно рано получила право самой привозить ясак в сибирские города, что минимизировало появление русских в ясачных волостях; во-вторых, аборигенная элита стала широко привлекаться на военную службу [10. С. 23], в-третьих, дорусская традиция в названиях ясачных волостей Западной Сибири сохранялась вплоть до Столыпинской реформы. Более того, принцип невмешательства во внутренние дела ясачных был в России легитимизирован в Уставе об управлении инородцев М.М. Сперанского (1822) [11. С. 138].

Совпадение представлений у русских и аборигенов относительно социально-административного устройства государства определяло поведение тех и других, а также их отношение к власти в Сибири вообще. «Улусное» устройство государства порождало у сибирского коренного населения неоднозначное отношение к строящимся русским городам и острогам. Согласно существовавшему порядку после основания новой русской крепости происходило перераспределение ясачного населения. Но сибирские жители воспринимали русских воевод как самостоятельных владельцев улусов, т. е. не относились к русским властным структурам как к элементам единой политической системы. Так, в 1630 г. возник конфликт между Томском и Красноярском, потому что киргизы отказывались платить ясак в более близкий к ним новый город. По этому поводу С.В. Бахрушин замечал, что, «давая аманатов в Томск, киргизы не считали себя связанными обязательствами по отношению к Красноярску. Подобно тому, как в степных государствах возможны были войны между отдельными тайшами, так они считали возможным воевать с отдельными воеводами» [12. С. 202], что подтверждается довольно частыми осадами Красноярска в XVII в.

Между тем следует заметить, что ранние русские поселенцы давали повод так думать. Нередки были столкновения между служилыми разной подчиненности из-за сбора ясака с одних и тех же групп населения. На реке Кан чуть не разгорелась война между посланными за ясаком енисейскими и красноярскими служилыми людьми [13. С. 439–440]. Кроме того, участвуя в военных походах, например, против киргизов, когда формировались сводные силы из разных сибирских городов, воинские люди продолжали руководствоваться интересами своих городов и своими выгодами. Так, в 1641 г. вглубь киргизских земель двинулась настоящая армия из 870 человек под предводительством Я. Тухачевского. Своих служилых людей прислали Тобольск, Тара, Тюмень, Томск, Кузнецк, Красноярск. Однако как только были отбиты киргизские обозы и взято в плен много женщин с детьми, в войске началось брожение, ратные люди забунтовали и покинули своего предводителя. Мотивы их поведения понятны: добыча была слишком велика, а пленных (ясырь) нужно было как можно быстрее крестить и продать [12. С. 204–205].

Поэтому в некоторых случаях как аборигены, так и русские использовали существовавшие противоречия между городами в своих интересах. В начале

XVII в. Таймыр, восточные притоки Енисея, Хатанга вошли в Мангазейский уезд. С образованием Якутского уезда часть тунгусов, передвигавшаяся по Вилюю, Лене, Оленеку, Алдану, стала платить ясак туда. Строительство русских зимовий, жестокость служилых людей, необходимость выплаты ясака усугубили подвижность тунгусского общества, что привело к усилению междоусобиц. В 1640 г. оленекские и анабарские тунгусы – азяны и сикигиры – совершили набег на Котуй и Хету против вояндырей и боягиров. Борьба шла за промысловые угодья, она провоцировалась противоречиями между служилыми людьми Мангазейского и Якутского уездов, при этом каждая из сторон привлекала «своих» тунгусов. Но самым серьезным ударом по численности тунгусов стали эпидемии. В 1652–1653 гг. оспа свирепствовала в Оленекском зимовье, в результате число плательщиков ясака уменьшилось на 80%. Но оспа не затронула тунгусов, причисленных к Мангазее. Они посчитали, что наступила удобная ситуация для того, чтобы отомстить своим восточным соседям. И в 1653 г. вояндыри при поддержке мангазейских служилых людей совершили набег на Оленек против азянов. В челобитной за 1661 г. оленекские тунгусы писали, что вояндыри и боягиры убили у них более 70 человек [14. С. 183–184].

В 1682 г. началось новое движение на Оленек вояндырей, боягиров, чапагиров. Это было скорее массовое бегство, связанное с восстанием ясачных Мангазейского уезда. Перебив гарнизон Есейского зимовья за злоупотребления и жестокость, тунгусы бежали в ведомство якутского воеводы, надеясь на то, что существовавшая между уездами неприязнь смягчит наказание. Однако в 1691 г. они вынуждены были вернуться в Мангазейский уезд. Были ли они наказаны, неизвестно [14. С. 186].

Сравнивая отношение коренных жителей к русской власти в Сибири с восприятием ее самими русскими, следует отметить, что существенных различий не наблюдается. Как для аборигенов, так и для русских было характерно отношение к первым русским властным центрам как к аналогам ордынских ставок, а воеводы воспринимались как монгольские или удельные князья. Безусловно, такое восприятие «материализованной» русской власти в Сибири было также отражением общего евразийского наследия в политической культуре как русских, так и аборигенов. Этим-то и объясняется столь быстрое продвижение русских по Сибири: их главная задача состояла в перераспределении выплаты ясака от прежних сюзеренов на Москву, а для этого нужно было быть (или казаться) сильнее и богаче этих последних.

Символом богатства державы, согласно все той же евразийской традиции, выступало количество подарков, которыми новые сюзерены наделили новоподданных, а также пышность пира, устроенного для них. Налицо особый ритуал, призванный сакрализовать принятие подданства. С самого начала русского присутствия в Сибири доставка ясака в русский город (острог) или приезд аборигенной элиты в Москву обязательно сопровождалась раздачей даров: кафтанов, шуб, тканей, посуды и т. д. – всего, кроме оружия. Становится понятным, почему среди «насилий» томских воевод Ржевского и Бартенева ясачные жалобщики называли и то, что «кормили (они) иноземцев, которые приходят с ясаком *по одинакова на день*, и от того де твоему царскому имени позорно и в ясачных людех смута» (цит. по: [4. С. 418]). Воево-

ды, видимо, сэкономили на царских угощениях, что обижало князьков и «дискредитировало» в их глазах «царское имя». Впрочем, дело вовсе не в «одинаковом» кормлении, а в отсутствии настоящего «званого» пира, поскольку отказ от строгого соблюдения церемониала подвергал сомнению законность ясачного сбора (а значит, овеществленных в нем вассальных отношений), рисуя Москву как слабого и ненадежного защитника, которому и дань-то платить стыдно. Важно, что ясачные смотрели на казенное угощение как на свое право. В 1697 г. воевода Дурново не смог «угостить качинских татар», когда те принесли ясак, поскольку Красноярск был осажден киргизами. Это послужило причиной не только недовольства, но и посылкой челобитной в Москву с обвинениями против воеводы [12. С. 56].

Следует отметить, что публичное принесение даров (дани) и получение подарков, иногда по ценности и объему превышающих дань, у всех центральноазиатских народов имело форму и смысл сложного ритуала [15. С. 165]. Истоки этого явления следует искать в сложных взаимоотношениях Древнего Китая с многочисленными варварами, предками тюркских и монгольских народов. Длительное время Китай действовал в соответствии с отработанной за века схемой поведения. «Нового «варвара», – отмечает В.А. Корсун, – через помпезный ритуал «принимали» в «систему вассалитета», добивались непреложного, пусть даже формального выполнения им воли повелителя Поднебесной, принесением «дани» и исполнением обряда «коутоу» [16. С. 497–498]. Затем следовали дары, которые больше напоминали способ откупиться от варваров, что отражалось в их несоизмеримо большей ценности.

Усвоенная система подчинения, подкрепленная строгим ритуалом и подарками, позже, через ордынцев, была перенесена в «посольский обычай» Московского царства и на взаимоотношения русских со своими ясачными, тем более что последние воспринимали «законность» своего подданства в форме архаичного дарообмена. Принеся шерть – клятву на верность Москве традиционным образом, пройдя ритуал принесения дани и отдаривания и приняв участие в богатом пире, новые подданные занимали свое место в социальной структуре Московского государства.

Вопрос о собственном статусе решался с опорой на уже существовавшую в социальной структуре государства евразийскую традицию господства-подчинения. Русским не нужно было объяснять аборигенам суть податного состояния. Об укорененности принципа деления населения на элиту и подданных свидетельствуют не только развитый героический эпос сибирских народов, но и низовой фольклор. В сказках часто встречается сюжет о том, каким образом герой (зверь, птица) сумел избежать уплаты подати: «Когда царь птиц Кан-Керעדэ потребовал алман от птиц, Джарканат (Летучая мышь) сказал, что он не птица, потому что у него есть клыки. Когда стал собирать алман царь клыкастых животных Арслан-каан, Джарканат сказал, что он – птица, так как имеет крылья. Все птицы платили алман Кан-Керעדэ. Все клыкастые животные платили алман Арслан-каану. Джарканат отбил от того и другого и никому дани не дает» [17. С. 185].

Аналогичный сюжет есть в шорском фольклоре: «Звери-птицы своим хозяевам выкуп дают... Весной звери линяют – хозяину горы и воды албан пла-

тят. Находящиеся на земле звери-птицы хозяину горы платят, живущие в воде звери-птицы – хозяину воды. Выдра – очень плохой зверь, она никому... албан не кладет» [18. С. 281].

Таким образом, традиционное мировоззрение аборигенов Сибири пронизано идеей о том, что все живое является чьими-то подданными и обязано платить подать. Человек, как часть этого мира, также должен иметь своих хозяев (сюзеренов). Отказавшись от уплаты дани, человек лишался возможности защиты. Поэтому даже в фольклоре животные, не платящие алман, не наделяются положительными характеристиками. То, что этническая принадлежность господствующего и подчиненного населения не совпадали, также находило соответствие в центральноазиатских институтах типа «унаган-богол».

Источники XVII в. свидетельствуют о том, что в основном сибирские аборигены без особых проблем (кроме енисейских киргизов, чукчей, коряков, отчасти нивхов) соглашались принять русское подданство и платить ясак даже тогда, когда те не всегда могли их защитить, в надежде, что это возможно в будущем. С усилением позиций России в Сибири так и произошло. Ведь согласно евразийской ментальной установке быть подданным сильного, безусловно, предпочтительнее, престижнее, чем зависеть от слабого [11. С. 225–226].

Русские понимали эту особенность поведения аборигенов. По этому поводу сибирские документы отмечали, «что де татарский извычай (обычай. – Л.Ш.) непостоянный, которая сторона мочнее, туда они и шатаются» (цит. по: [12. С. 39]). Действительно, уже в 1598 г. в походе против Кучума участвовал «татарский корпус». Сражавшийся с Ермаком князь Епанча впоследствии стал одним из основателей города Туринска на своей земле. Другой противник Ермака – князь Мантмас – позднее вместе с русскими ставил города Тобольск, Тюмень и Тару [19. С. 164–165].

Наличие аналогичных или весьма сходных традиций в политической культуре, в социальном устройстве, в отношении к власти и собственному социальному положению сближало пришлое и местное население, создавало условия для результативного политического диалога. Общее политическое евразийское наследие проявлялось во всех сферах культуры и менталитете взаимодействующих народов. Оно, несомненно, упрощало налаживание и бытовых контактов, способствовало взаимопониманию при решении хозяйственных и социальных проблем, существенно облегчая процессы закрепления московской власти в Сибири.

Литература

1. Вернадский Г.В. Русская история : учеб. – М.: Аграф, 1997. – 544 с.
2. Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск, март–июнь 1946 года. – Томск, 1946. – С. 138–142.
3. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. ист.-фил. – 1950. – Т. 112. – С. 23–210.

4. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.
5. Шерстова Л.И. Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов XVII в. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 365. – С. 93–98.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 180 с.
7. Алтайские народные сказки / сост., подгот. текстов и пер. Т.М. Садаловой. – Новосибирск: Наука, 2002. – 452 с.
8. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 223 с.
9. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2009. – 441 с.
10. Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в XVII в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2002. – Вып. 2. – С. 3–27.
11. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2005. – 311 с.
12. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII // Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1959. – Т. 4. – С. 170–178.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 2. – 795 с.
14. Этническая история народов Севера / отв. ред. и авт. предисл. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1982. – 269 с.
15. Жуковская Н.Л. «Подарок – отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // Mongolica : Памяти академика Б.Я. Владимирцова. 1884–1931. – М., 1986. – С. 160–168.
16. Корсун В.А. Поиски и находки в решении проблем этнического сепаратизма Китая // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. – М., 2005. – С. 494–529.
17. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1883. – Вып. 4. – 1025 с.
18. Шорский фольклор / записи, пер., вступ. ст. и примеч. Н.П. Дыренковой. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 448 с.
19. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1955. – Т. 3, ч. 2 – С. 153–175.

Статья поступила 30 сентября 2013 г.

Sherstova Lyudmila I., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

PERCEPTIONS OF THE RUSSIAN POWER BY ABORIGINES IN SIBERIA IN THE XVII CENTURY: EURASIAN (CENTRAL ASIAN) CONTEXT.

Key words: Siberia, aboriginals, Russian, Eurasian context.

During the colonization of Siberia Russians found an administrative system, fiscal institutions and «supremacy-submission» relations there, that acted in a give-and-take form and were based on the same principles as in Moscow lands. This socio-political system sprang up in Siberia under the influence of political traditions of nomadic Empires of Central Asia, and got fixed in Rus' during the Golden Horde period that is why it can be called Eurasian system.

The Siberian government did not change the character and ways of dealing with new subjects. As a result, the aborigines adequately interpreted political and economic interests of Moscow. The major part of aborigines positively perceived the change of suzerains and get a special position as Yasachnoe estate, or mixed with noblemen.

The similar Eurasian traditions in political culture, social order, attitude to authority and own social position brought together locals and non-locals and paved the way for effective political dialogue. The common Eurasian political heritage manifested itself in all spheres of culture and mentality of interacting nations. It made live contacts easier, promoted mutual understanding in solving economic and social problems and also facilitated the process of Moscow power's entrenchment.

References

1. *Vernadskii G.V.* Russkaia istoriia : ucheb. – M.: Agraf, 1997. – 544 s.
2. *Pugachev A.* Drevneishii dokument o nashem gorode // Tomsk, mart-iun' 1946 goda. – Tomsk, 1946. – S. 138–142.
3. *Boiarshinova Z.Ia.* Naselenie Tomskogo uezda v pervoi polovine XVII veka // Tr. Tom. gos. un-ta. Ser. ist.-fil. – 1950. – T. 112. – S. 23–210.
4. *Miller G.F.* Istoriia Sibiri. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1937. – T. 1. – 607 s.
5. *Sherstova L.I.* Aborigennaia politika Moskovskogo tsarstva v Sibiri: problema sinteza sotsial'no-politicheskikh institutov XVII v. // Vestn. Tom. gos. un-ta. – 2012. – № 365. – S. 93–98.
6. *Fedorov-Davydov G.A.* Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ord. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973. – 180 s.
7. *Altaiskie narodnye skazki* / sost., podgot. tekstov i per. T.M. Sadalovoi. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 452 s.
8. *Vladimirtsov B.Ia.* Obshchestvennyi stroi mongolov. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1934. – 223 c.
9. *Zuev A.S.* Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraia polovina XVII–XVIII vek). – Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd-niia RAN, 2009. – 441 s.
10. *Rezun D.Ia.* Liudi na sibirskom frontire v XVII v. // Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe. – Novosibirsk, 2002. – Vyp. 2. – S. 3–27.
11. *Sherstova L.I.* Tiurki i russkie v Iuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaia dinamika XVII – nachala XX veka. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii, 2005. – 311 s.
12. *Bakhrushin S.V.* Ocherki po istorii Krasnoiarskogo uezda v XVII // Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy. – M., 1959. – T. 4. – S. 170–178.
13. *Miller G.F.* Istoriia Sibiri. – M.: Vost. lit., 2000. – T. 2. – 795 s.
14. *Etnicheskaia istoriia narodov Severa* / otv. red. i avt. predisl. I.S. Gurvich. – M.: Nauka, 1982. – 269 s.
15. *Zhukovskaia N.L.* «Podarok – otdarok» i ego mesto v sisteme sotsial'nykh tsennostei mongolov // Mongolica : Pamiati akademika B.Ia. Vladimirtsova. 1884–1931. – M., 1986. – S. 160–168.
16. *Korsun V.A.* Poiski i nakhodki v reshenii problem etnicheskogo separatizma Kitaia // Etnosy i konfessii na Vostokey: konflikty i vzaimodeistvie. – M., 2005. – S. 494–529.
17. *Potanin G.N.* Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. – SPb., 1883. – Vyp. 4. – 1025 s.
18. *Shorskii fol'klor*: zapisi, per., vstup. st. i primech. N.P. Dyrenkovoi. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. – 448 s.
19. *Bakhrushin S.V.* Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v. // Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy. – M., 1955. – T. 3, ch. 2 – C. 153–175.